

Юрий Мудренко

Мы из СВУ

Юрий Мудренко

Мы из СВУ

«Издательские решения»

Мудренко Ю. И.

Мы из СВУ / Ю. И. Мудренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908407-1

«Храни в памяти имена великих людей и в своих походах и действиях с
благоразумием следуй их примеру». Александр Васильевич Суворов

ISBN 978-5-44-908407-1

© Мудренко Ю. И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
1	7
2	11
3	14
4	17
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мы из СВУ

Юрий Иванович Мудренко

© Юрий Иванович Мудренко, 2018

ISBN 978-5-4490-8407-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Могу заверить почтенную публику, что идея написания книги о годах учёбы в стольном граде Минске не один раз терзала мою душу, вспыхивая в памяти отдельными картинками воспоминаний и не связанными друг с другом сюжетами, похожими на разрозненные ролики, только всё-таки взяться за перо и отобразить на бумаге свои мысли никак не получалось. Для этого требовалось совсем немного: хотя бы капля вдохновения и мало-мальский сюжет, способный увлечь даже самого скептически настроенного к чтению человека; только вот ни первое, ни второе никак не могли сойтись в одной единой точке и положить начало процессу творения. Оба фактора авторского полёта бессовестно дремали в ожидании рассвета, и, наконец, час их пробуждения пробил.

Толчком послужило самое обыкновенное письмо, направленное на мой почтовый ящик в «Одноклассниках». Честно говоря, я был немного удивлён совершенно неожиданной корреспонденции, исходившей от особы женского пола, просившей меня написать что-нибудь про Суворовское военное училище, в котором я учился в семидесятых годах двадцатого столетия. Эта просьба меня озадачила, тем более что в данном учебном заведении могли учиться только юноши.

«Скорее всего, это супруга одного из моих однокашников», – рассудил я и перечитал ещё раз послание следующего содержания:

«Юра, привет. Один вопрос: есть ли у тебя произведение про 1977—1979 годы, про нашу Суворовскую действительность? Мы, суворовцы четвёртого взвода пятой роты, ждём от тебя этого произведения. Полторжицкий, Батура, Шутов и многие другие. Ольга Афанасьева».

Всех троих перечисленных в письме ребят, я, конечно же, знал очень хорошо, а с Андреем Шутовым все два года моей учёбы и вовсе просидел за одной партой в классе и за одним столом в столовой, а вот кто же такая Ольга Афанасьева, я и представить себе не мог, потому что суворовца четвёртого взвода пятой роты с такой фамилией в годы моей учёбы не было; и я, немало заинтригованный, ответил:

«Ольга, добрый день! К сожалению, именно про Суворовское училище я пока что ничего не написал. Хотя, скорее всего, это моё упущение. Каюсь. Рад слышать обо всех ребятах, с кем мне довелось учиться в те незабываемые годы. На самом деле, можно подумать о создании такого творения. У меня к вам вопрос: кто вы для суворовцев той поры? Извините за вопрос, но любопытство берёт верх. Откройте тайну. Буду благодарен».

В ответ очень скоро пришло короткое сообщение:

«Юра, обязательно напиши. Я твой одноклассник по Мн СВУ. И мы ждём твоих произведений. Пока».

«Пока», – мысленно произнёс я и больше вопросов задавать не стал. Если уж человек шифруется, значит, на то есть свои причины, докапываться до которых, вероятнее всего, нет никакого смысла. Если уж моему мистеру Инкогнито не хочется себя называть, то пусть остаётся всё, как есть, а я, вооружившись желанием и призвав на помощь вдохновение, начну, пожалуй, излагать мою историю.

И ещё: все действующие лица и события вымышлены. Любое сходство с реальными людьми и событиями является случайным. Приятного вам прочтения!

1

Успешной сдаче вступительных экзаменов в Минское Суворовское военное училище предшествовала целая череда событий, пересказ которой потребовал бы полноценного художественного произведения, такого как рассказ или даже повесть. Я этого делать не стану, однако справедливо считаю, что некоторые факты всё же следует осветить, тем более что они имеют самое прямое отношение к данной теме. Во-первых, необходимо понять, как в моей голове появилась мысль о поступлении в Суворовское училище?

Фундамент её был заложен ещё в детстве. Мой отец, хотя я помню его сугубо гражданским человеком, носившим строгий деловой костюм и рубашки с галстуком, часто говорил мне, что военнослужащие – это совершенно иная категория людей, отличающаяся от всех остальных, а потому уж если я выберу для себя путь профессионального военного, то это будет правильно.

К слову сказать, мой отец был офицером запаса. Ещё мальчишкой ушёл на фронт, был танкистом, участвовал в боях за свободу и независимость Родины. В те далёкие лихие годы Великой Отечественной войны принимал непосредственное участие в Курской битве, был в числе первых военнослужащих, освобождавших от врага город Фатеж. Правда, много он об этом не рассказывал, скорее всего из скромности, присущей настоящим ветеранам. Зато я с детства помнил его медали и ордена, держал их в руках, видел чёрно-белые пожелтевшие фотографии, на которых был запечатлён отец со своими однополчанами. Хорошо помню, что ему очень шла военная форма тех лет с офицерскими погонами старшего лейтенанта и воротничком-стойкой (тогда носили именно такую). Только вот из-за серьёзных ранений и контузии, полученных в боях, остаться на службе он не мог, был комиссован и демобилизован подчистую ещё в годы войны.

Я родился намного позже, а потому к тому времени памятная военная форма куда-то исчезла, и только боевые награды, бережно сложенные в шкафу в отдельном ящичке, да старые пожелтевшие фотографии бережно хранили печать грозных лет. Несмотря на это, отец на людях никогда не выказывал сожаления о том, что ему не удалось сделать карьеру профессионального военного из-за состояния здоровья. Зато к brave мужчинам, выбравшим для себя профессию защитника Отечества, он относился с нескрываемой теплотой, всегда считал эту профессию делом нужным, а потому от всей души был бы рад, если бы его родной отпрыск избрал для себя именно эту стезю.

Ровно за год до моего поступления в училище отец тяжело заболел и, промучившись до весны, умер. Для меня всё это не было похоже на правду, это не могло быть правдой, ведь только вчера мы разговаривали, шутили, отец бодрился и старался выглядеть молодцом, несмотря на смертельный недуг; и вот его не стало. Я до сих пор помню, как эту страшную весть принесла мама, поздно вечером вернувшись из больницы, где весь последний месяц лежал отец.

– Юра, папы больше нет, – чуть слышно произнесла она и горько заплакала, не в силах больше сдерживаться.

Слёзы катились по её уставшему лицу, а я был потрясён этой новостью до глубины души; где-то там в груди больно сдавило сердце; я не нашёлся, что ответить, и лишь обнял маму за плечи. Много позже я понял, что в тот момент оборвалась тонкая ниточка, связывающая нас воедино, и мы с мамой остались одни. Теперь у меня не стало родного человека, с кем я по-мужски мог поделиться своими печалью и радостями, кому я мог рассказать о собственных планах на жизнь и у кого мог спросить дельного совета. Предстоящие жизненные планы мы обсуждали с отцом, и помню, как он заулыбался, когда я сообщил ему о своём решении поступать в Суворовское военное училище.

Теперь же всё изменилось, я был волен в своём выборе и спокойно мог остаться в девятом классе родной школы или даже забрать документы и перейти в более престижную школу с физико-математическим уклоном. Благо, такая возможность была: с математикой я дружил, и ни алгебра, ни геометрия никогда не вызывали у меня трудностей. Однако, несмотря ни на что, решения своего я не изменил.

Ещё одним обстоятельством, повлиявшим на мой выбор в пользу дальнейшего обучения именно в СВУ, стал визит в школу бывших учеников, только годом постарше, чем я, Вити Черняка и Алика Стефановича. До той поры я даже не догадывался, что после окончания восьмого класса эти ребята прошли строгий отбор, успешно сдали вступительные экзамены, а потому уже осенью, будучи в отпуске, показались в школе, что говорится, при полном параде. Чего стоили чёрные кителя с красными погонами, на которых красовалась аббревиатура МнСВУ! А чёрные отглаженные брюки с красными лампасами! А форменные чёрные ботинки с острыми носами, старательно начищенные до зеркального блеска!

От бравого вида новоиспечённых суворовцев я пребывал в состоянии лёгкого шока; и хоть нормально побеседовать с этими героями сегодняшнего дня мне так и не удалось, но весь день после этой внезапной роковой встречи я оставался в состоянии неслабого стресса, охватившего меня с ног до головы и поманившего наивную душу подростка ярким желанным светом далёкого маяка. А тут ещё мой одноклассник Лёня Сенкевич подлил масла в огонь, сообщив мне по секрету, что собирается в следующем году сразу после окончания восьмого класса поступать в СВУ.

– Знаешь, Юрка, если уж носить костюм, то именно чёрного цвета, а если уж надевать форму, то только такую, – произнёс он шёпотом в самое ухо, кивком головы указывая на двух суворовцев. – А ты как считаешь?

– Я считаю, что ты прав, а потому летом мы с тобой вместе попробуем туда попасть, – ответил я ему, и мы в знак мальчишеской клятвы, которую непременно, невзирая ни на что, надлежит сдержать, пожали друг другу руки.

Не знаю точно, говорил ли Лёня о своей мечте кому-либо ещё; что же касается меня, то я держал свои намерения в тайне до той поры, когда скрывать их уже не было никакого смысла.

Между прочим, моя любимая учительница математики Валентина Дмитриевна была очень удивлена моему выбору. Она так и сказала, что для неё это – новость номер один.

– Я никак не ожидала, что ты захочешь стать военным, – призналась она. – Я бы тебе посоветовала всё-таки ещё раз всё хорошенько обдумать и, забрав документы, отнести их напрямую в первую школу. Имей в виду, что из этой школы все выпускники без исключения совершенно спокойно поступают в институт на физмат. А с твоими способностями сам бог велел туда идти.

Только я её не слышал, а точнее, не слушал. Прекрасный город Минск, строгая военная форма и перспектива поступления после окончания Суворовского училища в любое высшее военное учебное заведение перевесили все остальные доводы. Это была дорога, которую выбрал я сам; у меня на пути к заветной цели было множество преград, которые следовало преодолеть: и выпускные экзамены за восьмой класс, и медкомиссия, допустившая меня к поступлению в СВУ, и вступительные экзамены по полной программе с серьёзной проверкой знаний каждого предмета, и снова медкомиссия, теперь уже проводимая медицинским персоналом Суворовского училища.

Подобная кухня ожидала всех тех, кто приехал поступать и бороться за место под солнцем. Таких было много, и сейчас уже точно не вспомнить, сколько душ претендовало на одно место, а потому борьба велась нешуточная, и схлестнулись в ней пятнадцатилетние мальчишки, как взрослые, вдумчиво, серьёзно и ответственно, но только на экзаменах за партой. А после завершения очередного этапа сложного пути, когда, наконец, аудиторию покидал

последний из сдающих, под жарким летним солнцем все снова становились друзьями вплоть до следующего экзамена.

Всё это действо происходило в летнем лагере, который в этот ответственный период радостно оживал, с благодарностью предоставляя в распоряжение абитуриентов все свои площадки и сооружения. Селили нас в ту пору в кубриках деревянных построек, именуемых казармами, и, насколько я помню, помещалось в этих простеньких сооружениях великое множество мальчишек со своими чемоданами и сумками.

Когда был взят последний рубеж экзаменационной страды, мы с напряжением ждали объявления результатов, и каждый из нас мечтал оказаться в желанном списке новоиспечённых суворовцев. И как же я радовался, обнаружив себя в списке тех, кто прошёл без потерь всю эту кухню и был зачислен в СВУ! Моя душа пела, и я был счастлив, что у меня всё получилось просто замечательно.

А потом началось знакомство с нашими будущими отцами-командирами. Из тогдашних офицеров мне больше всего запомнился капитан Белявский Виктор Павлович с его тихим и спокойным голосом и взглядом серых глаз сквозь хитроватый прищур. Этим взглядом он просвечивал каждого из нас, как рентгеном, и всё время делал какие-то пометки в небольшом блокноте. К своим будущим питомцам он относился с нескрываемым пристрастием, всерьёз мечтая видеть в третьем взводе новой пятой роты только самых лучших, а потому методично и поступательно ещё на стадии абитуры составлял на каждого подробное досье. Это был один из способов досконального изучения личного состава, вверенного ему для обучения и воспитания.

Мы этого, конечно же, не знали, иначе маленькую секретную книжку командира третьего взвода вероятнее всего ожидала бы незавидная судьба с полным её уничтожением. Не знали мы и того, как проводилось распределение поступивших по ротам, а их было три, и по взводам, коих в каждой роте было четыре. Вероятнее всего, на распределение по ротам опытный офицер-воспитатель капитан Белявский повлиять не мог, но в процесс отбора суворовцев пятой роты в свой третий взвод, он, безо всякого сомнения, попытался вмешаться на самой ранней стадии.

«Мой взвод должен быть лучшим, а потому ко мне должны попасть...», – тут командир взвода ненадолго задумался и через минуту размышлений стал отмечать в тетради благонадежных по его разумению воспитанников.

К справедливости сказать, далеко не все из отмеченных попали именно к нему, и на то были свои объективные причины, доминантой которых стал командир роты подполковник Стрижак, самый старший из офицеров и по чину, и по званию, и по возрасту; а потому, когда он увидел список, любезно предоставленный командиром третьего взвода для утверждения, то завёлся с полоборота, как мотор нового внедорожника, и на выдохе резюмировал:

– Ещё чего захотел, капитан! У меня, между прочим, в ответ на ваш список имеются собственные соображения, – и с этими словами командир роты выложил перед недовольным капитаном аккуратные записи, собственноручно сделанные накануне. – Вот так. И если уж на то пошло, пару человечков я вам разрешу поменять. Но только двух, и всё!

На том и порешили, и уже вечером на повзводном построении, одетые в форму суворовцев, непомерно великоватую для каждого из нас, а потому сидевшую мешковато на хрупких юношеских плечах, мы впервые услышали знаменитое Белявское:

– Равняйся! Смирно! Напра-о!

В строю раздалась несдержанный смех и хихиканье, и у воспитанников озорно заблестели глаза.

– Нале-о! – скомандовал капитан, и мы дружно повернулись налево.

Именно «нале-о» и «напра-о», произносимые вкрадчивым голосом, были коронкой офицера-воспитателя третьего взвода. Он никогда не произносил эти команды так, как это делали

другие командиры, громко и чётко, и специально отделял последний гласный звук от основы слова, проглатывая звук согласный, всецело демонстрируя собственную непохожесть на всех остальных, подчёркивая неповторимую индивидуальность, характерную самобытность и ещё, чёрт знает что. А главное – он отдавал команду настолько тихо, что нам, стоявшим в длинном строю, приходилось напрягаться, чтобы расслышать, чего возжелало его величество на сей раз, а потому в те дни, когда строй водил командир третьего взвода, тишина в строю была идеальная, и если бы не какофония случайных звуков, то вполне можно было бы услышать ровный стук наших сердец и наше дыхание.

2

Первая форма, которую нам выдали, являла из себя сочетание чёрных брюк и светлого кителя, зато с надёжно пришитыми погонами с заветным набором букв, складывавшихся в аббревиатуру «Мн СВУ».

– Это ненадолго, – обнадежил старшина роты прапорщик Костив, заметив недоумённые взгляды суворовцев, – так что не привередничайте, а просто надевайте и носите. Только сначала не забудьте погладить её утюгом, как следует. Сами видите, что она сильно измялась в ожидании вас. Одно могу обещать, что в конце месяца получите новую. Вот тогда и будете выбирать, примерять, да красоваться. А пока что привыкайте и к такой.

Мне форма нравилась, а потому, подпоясавшись ремнём с блестящей пряжкой с пятиконечной звездой, я попытался пробиться к зеркалу, чтобы оценить наряд, но куда там: у зеркала в тот момент было не протолкнуться из-за желающих себя оглядеть. Пришлось довольствоваться терпеливым ожиданием в очереди, чтобы, в конце концов, полюбоваться на собственное отражение. Зато этот приличный запас времени предоставил шикарную возможность образцово отгладить брюки.

После того, как мы первый раз надели форму и были распределены по взводам, начался курс молодого бойца; до начала учёбы оставался ещё целый месяц, а потому в нас буквально впахивали необходимый минимум знаний военно-полевой жизни, обучали всяким хитростям, о которых мы все имели весьма смутные представления, да проводили регулярные занятия по изучению устава внутренней службы, на которых мы познакомились с обязанностями дневального по роте. Знания этих истин нам передавал командир взвода капитан Савчук, терпеливо надиктовывая строчку за строчкой, как школьный диктант, а мы, стараясь изо всех сил, аккуратно записывали предложение за предложением в свои тетради.

– Выучить наизусть, – предупредил капитан. – Завтра опрошу каждого, так что поблажек не ждите.

А мы и не ждали и в свободное время заучивали необходимый минимум.

– Дневальный по роте назначается из суворовцев. Очередной дневальный по роте выставляется внутри казарменного помещения у входной двери вблизи комнаты для хранения оружия. . . , – бодро докладывал я, когда тщательной ревизии со стороны командира взвода подверглись мои скромные познания.

Опрашивали нас строго по алфавиту. Моя фамилия находилась в середине списка, а потому до моей личной экзаменовки я успел повторить обязанности дневального по роте порядка пятнадцати раз, пока вслух точно так же отчитывались мои товарищи.

– А когда нам выдадут автоматы? – спросил у командира взвода кто-то из ребят, когда с опросом было покончено.

– А ящик с гранатами тебе случайно не нужен? – отшутился капитан. – Вы сначала научитесь маршировать, как положено, в ногу, выдерживая дистанцию и интервалы, а потом уже про оружие вопросы задавайте.

Ему никак было не понять, какие чувства нас переполняли, что мы уже, лишь только облачившись в форму, сразу почувствовали себя профессиональными военными, изо всех сил стремившимися учиться военному делу настоящим образом, памятуя Суворовское «Тяжело в учении, легко в бою». И как же тогда в такой ситуации обойтись без боевого оружия, безотказного АКМ?

– Взвод! – скомандовал капитан, и мы дружно вскочили со своих мест, вытянувшись по стойке «смирно». – Выходи строиться.

Надо заметить, что полевая форма здорово смотрелась на нашем командире взвода. Сам он был среднего роста, широкоплечим и достаточно массивным, не то что мы, пока ещё напоминавшие гадких утят из одноимённой сказки Андерсена.

Командир взвода надел поплотнее фуражку, поправил портупею, аккуратно застёгнутую на нужные деления, чтобы подчеркнуть своё мужественное телосложение и, сощурившись, оглядел голубой небосвод высоко раскинувшегося над головами летнего неба. Мы тоже зря времени не теряли и заняли свои места в строю, распределившись по росту по трём отделениям. Командовал построением прапорщик Барауля, назначенный командиром роты на должность помощника офицера-воспитателя четвёртого взвода. В общем, изначально у нас было два покровителя: капитан и прапорщик, старший по званию и занимаемой должности и, соответственно, младший. Наверное, так было проще справиться с ордой из тридцати человек, которых надлежало за весьма короткий срок обучить и воспитать, чтобы в итоге превратить в слаженное подразделение.

– Взвод, равняйся! Смирно! Равнение на середину! – скомандовал прапорщик и, чётко печатая каждый шаг, направился на доклад к командиру взвода.

– Товарищ капитан, четвёртый взвод по вашему приказанию построен. Помощник офицера-воспитателя прапорщик Барауля! – рьяно выдохнул свой доклад прапорщик.

– Вольно! – распорядился капитан. – Значит так, послезавтра состоится смотр строя и песни, а посему за оставшиеся два дня мы должны разучить одну из песен, под которую и будем маршировать. У кого какие предложения?

Варианты для выбора посыпались разные: и «Не плачь, девчонка», и «У солдата выходной», и «День победы», в общем, то, что было популярно и часто крутилось по телевизору и радио.

– Это поют все, – кисло заметил Савчук, – а мне бы хотелось что-нибудь новое, необычное. Неужели никто ничего не может предложить?

Этот вопрос был воспринят нами с одной стороны, как упрёк, из-за которого, вероятнее всего, по мнению командира взвода нам должно быть стыдно за собственную несостоятельность и бесталанность; а с другой стороны такая постановка вопроса заставила нас действовать лихорадочно, применяя все свои способности, умения и знания, чтобы найти решение головоломки. В творческий процесс изысканий музыкального шедевра для конкурса строя и песни включился его величество коллективный разум, способный объединить чаяния и устремления группы людей в единое целое, сложить все вектора в направлении выбранной цели и одним выстрелом мощного интеллектуального заряда поразить её, несмотря на чудовищное расстояние, со стороны кажущееся непреодолимым, а поставленную цель по этой же причине недостижимой.

Мы забыли, что стоим в строю, что перед нами командир взвода, и что впереди, поминутно разложенные на ближайший час, вырисовываются призрачные контуры реальных строевых занятий, на которых медленно, но верно будет оттачиваться мастерство строевого шага. За этот ближайший час под палящими лучами солнца мы изойдём солёным потом на строевом плацу, поднимая ногу при каждом шаге, чем можно выше, стараясь не сгибать в колене, и оттягивая носок от себя, а потом с силой опуская на землю, дабы добиться слаженности во всех действиях. Мы будем стараться изо всех сил, и о том, чтобы филонить, ни у кого не будет даже мысли.

– Тяжело в учении, легко в бою! Кто это сказал, Гаврилов? – обратится с вопросом к суворовцу командир взвода, специально сделав вид, будто забыл о том, что этот вопрос он задавал вчера.

– Александр Васильевич Суворов! – отрапортует Сергей (так звали Гаврилова) в ответ, громко сопя от усердия.

Таковыми познаниями обладал не он один, потому что, поступая в Суворовское училище, каждый уважающий себя будущий воспитанник не мог допустить даже мысли о том, чтобы в подробностях не знать крылатых фраз знаменитого русского полководца.

– Правильно, Гаврилов, ты не теряешься, – одобрительно воскликнет командир взвода. – Так держать!

А потом час запланированных строевых занятий, в конце концов, закончился, высвободив время для творческого полёта мысли в заданном направлении. Капитан с прапорщиком удалились на перекур, а мы, пользуясь предоставленной возможностью, сначала утолили жажду, а затем расположились на лавочках в беседке, чтобы решить вопрос с выбором песни, которую послезавтра будем представлять на строгий суд отцов-командиров.

Существует теория, что большинство идей приходит в наши головы откуда-то сверху, причём неожиданно-негаданно и часто очень вовремя. Причём создаётся стойкое впечатление, что в такие минуты нами правит чья-то невидимая рука; и если быть чересчур впечатлительным, то можно полностью уверовать в неземное происхождение той или иной идеи, а главное – подсказки её правильного решения кем-то большим, невидимым, а главное – авторитетным.

Учёные умы, те, кто занимаются изучением процессов, протекающих в головном мозге, скажут вам, что неожиданные правильные решения являются ничем иным, как плодом умственного труда. Просто для того чтобы отыскать в нашей памяти нужную информацию, которая была когда-то давным-давно законсервирована и завалена многими этажами новых сведений, необходимо пробиться через все эти накопленные слои. Уж не знаю, что именно привело нас к искомому выбору нужной песни, но именно она пришлась как раз кстати. Первое место нам на смотре не присудили, однако выглядели мы молодцами, изо всех сил старательно оттягивая носок ноги при каждом шаге и вытягивая ломающимися голосами все ноты строевого шедевра, который оказался действительно уникальным и не мог не привести хотя бы к призу зрительских симпатий в виде похвалы нашего командира. Через два дня на строевом плацу мы горланили во всю:

Суворов, братцы, пример для нас,

Он не терялся в тяжёлый час.

Он на Очаков, на Измаил

Победно войско своё водил.

Проходя мимо невысокой трибуны, на которой принимал парад лично командир роты вместе с командирами взводов, мы не могли не заметить довольной физиономии командира четвёртого взвода капитана Савчука.

3

Ближе к началу учебного года мы перебрались из радушного летнего лагеря на зимние квартиры в стольный град Минск, и чтобы занять нас посильнее и ещё основательнее укрепить в мысли о том, что с переездом начинается новая жизнь в новом качестве, нам выдали новую форму, на которой, если выразиться простым языком с точной метафорой, даже муха не сидела. Для начала каждый из нас её, конечно же, примерил, критически осмотрев собственное отражение в зеркале; мы все считали, что обмундирование должно сидеть, как влитое. И только прапорщик Костив с таким утверждением не был согласен категорически.

– Тебе его целый год носить, и за этот год ты ещё подрастёшь и возмужаешь. Вот увидишь, – уверял очередного недовольного старшина, вручая и брюки, и китель, что говорится, на вырост. – А потому не возмущайся, что китель немного великоват. К лету может так случиться, он не будет на тебе застёгиваться. Сам потом намучаешься. И что мы делать будем? А? Новое обмундирование я смогу тебе выдать только через год. Ты что, расстёгнутый тогда будешь ходить, товарищ суворовец? – тут старшина сурово хмурил брови и, как мог, старательно изображал серьёзность. – А я тебе за это наряд вне очереди! Вот.

Василий Васильевич, конечно же, лукавил, потому что так раскорчиться, чтобы не влезть в собственную военную форму, не смог бы никто из нас. Просто опытный прапорщик, забуревший от службы в Суворовском училище, немного разленившийся и даже временами расслабившийся от форменного однообразия серых будней, не хотел излишне тратить собственное драгоценное время и силы, а главное – очень уж не желал портить свои нервы. Он прекрасно осознавал, что только стоит дать слабину и проявить заботу об одном воспитаннике, как тут же об этом узнают все, и тогда прощай, покой, потому что вслед за обласканным излишним вниманием в каптёрку ворвётся сотня недовольных мальчишек с одной единственной целью: поменять своё обмундирование на другое, более подходящее по размеру. Мы очень скоро поймём, что старшина нас напарил, что наше обмундирование имеет свойство растягиваться по фигуре, так что форс-мажор, о котором он предупреждал, практически невозможен. Мы потом уже узнаем, что такое трапеция, как её изготовить и каким образом с помощью этого простейшего устройства и горячего утюга можно превратить свои брюки-дудочки в расклешённые. Мы со временем научимся красиво заламывать доньшко фуражки и изгибать козырёк, превращая головной убор в настоящий шедевр. Мы освоим все хитрости фирменной полировки медной пряжки поясного ремня, аккуратно и старательно сточив все неровности и умело сгладив все огрехи заводской штамповки. Мы узнаем секрет того, как нужно пришивать погоны, чтобы они никогда не сминались. Все эти небольшие, но полезные доработки и преобразования стандартной формы одежды вместе с другими навыками, умениями и знаниями, полученными в годы учёбы в СВУ, всегда впоследствии будут выгодно выделять нас среди прочих братьев по оружию, ведь так лихо носить форму больше не сможет никто; и чтобы этому научиться, существуют только два пути. Первый из них – это своевременно пройти эту школу от «А» до «Я», то есть пройти путь суворовца. А второй – это иметь недюжинный уникальный талант и непревзойдённые способности к преображению и парадоксальному умению с первого раза точно копировать лучшее. Однако такие способности в реальном мире людей могут достаться одному на миллион. Только один из целого миллиона может обладать настоящим талантом перевоплощения, но ему в таком случае самое место быть артистом.

Все мы пошли по пути под номером один, когда вся жизнь от начала служит единой цели. Можно услышать разные мнения на сей счёт, однако для нас все они уже не имели никакого значения, потому что мы ступили на этот путь с твёрдым намерением с него уже не сворачивать. Да и сама система обучения в Суворовском военном училище была выстроена так, что не оставалось каких-либо сомнений в правильности выбранного пути.

Перед началом учебного года нас всех ещё раз постригли, а строевые занятия, к которым мы все основательно привыкли, как к чему-то доброму, вечному и необходимому, превратились в настоящие репетиции торжественного марша на первое сентября. В новом чёрном кителе с собственноручно пришитыми погонами, петлицами и шевроном, в начищенных до блеска ботинках, с новым поясным ремнём, затянутым между пятой и четвёртой пуговицами парадного кителя и симметрично надетой на голову фуражке каждый из нас был просто неотразим; во всяком случае, нам так казалось. Помню, как ко мне подошёл мой одноклассник Витя Варкулевич и, чтобы подбодрить, со всей серьёзностью заявил:

– А хорошо на тебе форма сидит. Я и не ожидал.

Честно скажу, что на нём форма смотрелась не хуже: Витя в ту пору отличался своим ростом, приличной мускулатурой, и складывалось стойкое впечатление, что этому парню никак не пятнадцать, а, как минимум, семнадцать лет. В нашем юном возрасте даже год разницы был заметен невооружённым глазом практически сразу, но в этом случае немудрено было ошибиться.

Итак, вернёмся к строевым занятиям, которых в оставшиеся несколько дней было значительно больше, чем обычно. Индивидуальная подготовка почти не проводилась, потому что каждый из нас за короткое время быстротечного горячего августа выучился строевому шагу на «отлично», однако слаженность в составе взвода и роты всё ещё требовала шлифовки.

Недостаточно научиться маршировать самостоятельно; надо ещё отработать все действия в составе своего подразделения, чтобы в ходе движения идеально соблюдать интервал и дистанцию, чтобы одновременно печатать шаг. Здесь важны одинаковая высота подъёма ноги и одинаковое расстояние каждого шага. Также сюда следует добавить одинаковую отмашку рук, одновременный переход на строевой шаг по команде с одновременным поворотом головы. А когда все действия исполняются под марш военного оркестра, такого профессионального, какой был в нашем училище, да в присутствии самых искренних почитателей и самых дорогих зрителей в лице самых близких – наших родителей, то тут пробивает озноб до глубины души, и слёзы сами собой наворачиваются на глаза. Только всё-таки, несмотря ни на что, ты отбрасываешь в сторону собственную меланхолию и стараешься изо всех сил показать всему белому свету, как ты умеешь маршировать строевым шагом, да ещё в составе слаженного подразделения, именуемого взводом.

Буквально накануне в училище очень организованно после летнего отпуска прибыл старший курс, прошедший точно такую же школу год назад, а потом проучившийся целый год в стенах СВУ. За плечами этих парней помимо обучения, воспитания, настоящей военной подготовки и закалки были летние лагеря с полуторамесячной специальной подготовкой, и, судя по всему, отставших, не сдавших и не справившихся среди них не было.

Что же касается нас, то все мы безо всякого исключения смотрели на этих ребят, как на инопланетян. В них было что-то такое, чего мы пока не знали, да и не могли знать, и не умели, потому что обучение всем премудростям нас ждало впереди. Воспитанников старшего курса спутать с нами было просто невозможно, и даже одинаковая чёрная форма на этих парнях смотрелась по-другому. Это, если можно так выразиться, были самые настоящие гусары, на которых хотелось равняться, с кого хотелось брать пример. А нам они прикрепили новый меткий лейбл, назвав суворовцев младшего курса «фантомами»; причём смысл этого ярлыка для нас не вполне был понятен. Лично я услышал это новое для слуха выражение в столовой, когда нас привёл на ужин старшина. К тому времени вся соседняя половина ранее пустовавшего зала с высоким потолком и толстыми массивными колоннами, обеденными столиками на четверых со стандартными белыми скатертями была заполнена старшекурсниками, кадетами, как их принято было называть. При нашем появлении кадеты прервали трапезу и отвлеклись на более важное занятие – встречу новичков. Перестала греметь посуда,

старший курс при виде нас одобрительно загудел, и откуда-то из глубины этого ворчливого воинственно настроенного сообщества кто-то выкрикнул:

– Фантомы!

И пока мы занимали свои места у столов и ждали команду старшины, чтобы приземлиться за столы и организованно приступить к трапезе, те, кто были кадетами, откровенно и бесцеремонно нас рассматривали взглядом, подчёркивающим собственное превосходство над младшим курсом. Мы застыли у столов, накрытых к ужину, и старшина скомандовал нам садиться. Он был немного шепеляв, и из его уст команда «Садись» звучала несколько забавно.

– Рота! Саись! – командовал прапорщик, позволяя нам приступить к приёму пищи.

Так же необычно он отдал команду и на этот раз. Мы послушно сели на свои места, однако принципиальный Василий Васильевич, посчитавший, что его команда была выполнена не чётко, посчитал себя глубоко обиженным и заставил всех подняться.

– Будем тренироваться, – заверил он нас под неодобрительный гул старшего курса, выразившего своё несогласие с действиями прапорщика и решившего нас поддержать.

Костиву пришлось напрячь голосовые связки и повторить команду:

– Рота! Саись!

Однако из-за неодобрительного гула возмущившихся кадетов пятая рота команду выполнила ещё хуже, разбалансированно и неодновременно плюхнувшись на стулья. Объяснялось это совсем прозаично: из-за шума команда просто не была услышана, особенно теми, кто находился на значительном удалении от старшины.

– Пятая рота! Встать! – снова объявил возмущённый непослушанием прапорщик, но из-за несмолкаемого гула, к которому добавился откровенный смех старшего курса, его услышали далеко не все, тем более что горячо любимый личный состав, изголодавшись за время строевых занятий, приступил к приёму пищи, добавив свою лепту в какофонию звуков.

Старшина позеленел от злости и забегал между рядами, чуть ли не силой поднимая суворовцев из-за столов. Неизвестно, чем бы всё закончилось, но в столовой появился подполковник Стрижак. Он быстро оценил ситуацию, подозвал к себе старшину и что-то зло сказал ему в самое ухо; тот, в ответ раскрасневшись то ли от усердия, то ли от новой порции негодования, исчез с глаз долой.

Гул в зале постепенно затих, а когда столовую покинул старший курс, закончивший трапезу, то и вовсе наступила тишина.

– Закончить приём пищи, сложить посуду, – скомандовал подполковник Стрижак, когда убедился, что с ужином покончено. – Пятая рота! Встать! За мной не в ногу шагом марш.

И пятая рота, возглавляемая командиром, организованно вернулась в казарму; а в это время в ротной каптёрке сидел старшина, обиженный на весь белый свет.

4

Утром первого сентября мы выстроились поротно на плацу. Шесть строгих коробок, три из которых состояли из суворовцев старшего курса, замерли в ожидании перед трибуной. Одна только форма на них смотрелась так классно, что нам оставалось лишь облизываться и завистливо вздыхать. На церемонии торжественного посвящения в суворовцы и начала нового учебного года присутствовало руководство во главе с начальником училища генерал-майором Рудским Фёдором Андреевичем, а также многочисленные гости и родители.

После того как закончилась торжественная часть с напутственными словами, была дана команда:

– К торжественному маршу! Первая рота прямо, остальные направо!

Мы все одновременно, за исключением первой роты, открывавшей проход мимо трибуны, в два приёма повернулись направо.

– Шагом марш! – скомандовал генерал-майор Рудской, и по его команде оркестр грянул марш, от которого даже перехватило дыхание, а первая рота зашагала вдоль трибуны в ногу, с образцовой отмашкой рук, а потом по команде выполнила равнение на трибуну, где располагалось высокое начальство и приглашённые почётные гости.

За первой ротой, строго соблюдая дистанцию, торжественным маршем прошли остальные подразделения, возглавляемые своими командирами. Впереди нашей пятой роты, гордо подняв голову и приложив руку к козырьку фуражки, строевым шагом шёл подполковник Стрижак, а за ним командиры взводов вели свои взводы.

Нам казалось, что полюбоваться парадом в честь начала учебного года пришли не только дорогие гости, но и сама природа заявила, не пожелав пропустить торжественное мероприятие. Первый день осени подарил столице Белоруссии прекрасную тёплую погоду. Небо было синим, и яркие лучи солнца пробивались сквозь ещё не начавшую желтеть листву деревьев, раскинувших свои ветви по периметру высокой каменной стены, ограждавшей территорию училища. Пройдёт немного времени, и недавно зелёные листочки начнут желтеть и опадать на серый асфальт, а потом, гонимые ветром, будут непослушно разлетаться по всей территории. Вот тут-то и пригодятся простые, но надёжные инструменты, заготовленные накануне, с помощью которых и строевой плац, и спортгородок с полосой препятствий, и все дорожки и площадки будут ежедневно тщательно подметены.

После торжественного марша нас отвели в казармы, где мы оставили головные уборы, взяли в руки тетради для будущих конспектов, авторучки и под неусыпным контролем командиров взводов направились на занятия в учебный корпус, расположенный на первом этаже. В его светлых и просторных помещениях нам предстояло проучиться целых два года, постигая постепенно и целенаправленно вместе со школьной программой программу специальной подготовки, в которую были включены военные дисциплины – настоящая атомная смесь дляковки мужского характера, его закалки и филигранной огранки, как это происходит с ювелирными украшениями в руках опытного мастера. Всё это нас ждало впереди, а первого сентября в самый первый день учебного года мы знакомимся со своими преподавателями и привыкали к новому расписанию, которое станет обязательным на всё время учёбы в Суворовском военном училище.

Со старшим курсом мы, конечно же, пересекались и в учебном корпусе, и удивили кадеты нас и на сей раз, потому что учебные пособия и конспекты они тоже носили по-особенному, подмышкой, и, честно говоря, со стороны это смотрелось залихватски. Во всяком случае у меня с первого раза так не получилось, и когда я на ходу попытался переложить свою ношу на их манер, то просто всё выронил из рук.

– Мудренко! – воскликнул капитан Савчук. – Ещё раз увижу – получишь наряд вне очереди. Что смеёшься? – обратился он к остальным. – Взвод! Стой!

– Собрать учебники, товарищ суворовец, – это снова командир взвода обратился ко мне, – и встать в строй.

– Сирица! Прекрати смеяться, – капитан вынужден был отвлечь своё внимание на другого подчинённого, расплывшегося в улыбке до ушей, – а то и тебя накажу.

Он дождался, когда разволновавшееся море страстей успокоилось, и скомандовал:

– Шагом марш!

Уже через десять минут мы сидели на своих местах в кабинете истории. Нам повезло, потому что первым преподавателем, с которым нас свела судьба в стенах Минского СВУ, была Позднякова Лидия Ивановна, учительница истории – чудесная и добрая женщина, которая души не чаяла в своих учениках. Душевное и внимательное отношение к каждому воспитаннику были её коньком и отличительной особенностью на протяжении всего процесса обучения.

– С каждым из вас я ещё познакомлюсь на занятиях, – произнесла она и мило улыбнулась. – А пока хочу провести небольшой вводный экскурс в наш предмет и познакомить коротко с историей создания Минского Суворовского училища. Наше училище было названо в честь великого русского полководца Александра Васильевича Суворова. А основали его в далёком одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. Днём училища считается шестое ноября, когда в одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем году было вручено Боевое Красное Знамя. В этом же году после строительства и реконструкции здания был осуществлён набор во все классы. И уже в одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом году состоялся первый выпуск в количестве восьмидесяти человек. И сегодня в нашем училище тоже знаменательное событие, ведь осуществлён очередной двадцать третий набор воспитанников, коими являетесь именно вы.

Пока она рассказывала, память унесла меня на несколько лет назад в недавнее детство, в ту пору, когда о поступлении в Суворовское училище я ещё и не помышлял. Зато именно тогда отец подарил мне книгу, которая во многом определила выбор моей будущей профессии.

– Вот, Юрка, подарок тебе, – сказал он тогда. – Расти большой и сильный, – и положил передо мной на стол «Книгу будущих командиров».

Если сказать, что я её прочитал от корки до корки – это значит не сказать ничего: я её проштудировал многократно. На страницах книги были собраны описания самых знаменитых сражений с древних времён по наши дни. Здесь очень красочно и подробно описывались умения великих полководцев, их решимость, изворотливый ум и способы ведения боя, с помощью которых они добивались победы даже над численно превосходящим противником. Отдельная глава книги была посвящена гениальному русскому полководцу генералиссимусу Александру Васильевичу Суворову, который за свою жизнь одержал шестьдесят грандиозных побед и не проиграл ни одного сражения. Это был настоящий гений войны, однако сам он всегда говорил о том, что первую и самую главную победу ему посчастливилось одержать над самим собой; и если бы не эта победа, то вряд ли были бы возможны победы остальные.

Из книги я узнал, что маленький Саша в детстве был весьма болезненным ребёнком и часто лечился от простуды. В такие дни он вынужден был оставаться дома и, чтобы прогнать надоевшую скуку, буквально зачитывался книгами. Больше всего он любил читать о полководцах древности, а их главные битвы разыгрывать с помощью игрушечных солдатиков. Ему нравилось одерживать победы над воображаемым противником, однако, что же делать с извечно преследующей простудой? И здесь снова на помощь пришли книги, из которых будущий генералиссимус почерпнул знания по закалке и тренировке. Полученные знания он стал применять на практике, и как по мановению волшебной палочки преследовавшая хворь отступила, а выработанная система упражнений позволила никогда больше не болеть и даже в почтенном возрасте давать фору молодым, выдерживать значительные физические нагрузки и проходить

суровые испытания вместе со своими солдатами, которых он любя называл чудо-богатырями. Эти чудо-богатыри, настоящие универсальные солдаты, опытные и благородные воины, бесстрашные, могучие и ловкие, возглавляемые графом Суворовым, были способны на настоящие чудеса. Именно они взяли Измаил, крепость, считавшуюся неприступной.

Только представьте себе эту крепость-исполин, сплошь окружённую практически невыносимыми непреодолимыми заграждениями. Одна только ширина рва, которым был окружён город по всему периметру, составляла пятнадцать метров, а глубина, соответственно, десять метров. Кроме того, суровые крепостные стены были обнесены десятиметровым валом протяжённостью шесть километров. Все эти защитные сооружения, созданные самими лучшими мастерами, и без вооружения представляли труднейшую полосу препятствий. Кроме того, на крепостном валу, насчитывалось не менее двухсот шестидесяти орудий. Гарнизон укреплённой крепости насчитывал тридцать пять тысяч человек и был готов к самой жестокой осаде. И если учесть тот факт, что наступающее русское войско уступало в численности обороняющемуся противнику, то о взятии такой крепости, по сути, не могло быть и речи.

– Скорее небо упадёт на землю, чем падёт Измаил, – утверждал противник, и был посрамлён.

Русское войско во главе с графом Суворовым с этой задачей справилось. Правда, пришлось основательно поломать голову над выработкой эффективной стратегии внезапного наступления, а главное – хорошо подготовить солдат, отработав все действия до мелочей. Для того чтобы каждый воин имел чёткое представление о том, что ему надлежит делать в наступлении, в тайне от турок были сооружены похожие укрепления, и по ночам во всех деталях отрабатывался предстоящий штурм. Как писали летописцы, в целях дезинформации противника, днём войско отрабатывало штыковой бой.

На рассвете после нескольких ночей и дней упорных тренировок начался штурм крепости Измаил. Главный удар был нанесён со стороны Дуная, в месте, где противник менее всего ожидал наступления, и в восемь часов утра был взят вал. Русское войско ворвалось в город, где закипели жестокие бои за каждый дом. К вечеру сражение было выиграно, и крепость пала.

«Военные добродетели, – писал Суворов после взятия крепости, – суть (есть): отважность для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала», тем самым отмечая самые главные качества, без которых в бою делать нечего. А полководец, кроме всего прочего, должен быть ещё и мужественным, ведь именно мужественность делает его способным на дерзкие решения.

5

А дальше после официального посвящения в суворовцы и самой первой вводной лекции, проведённой в щадящей душу обстановке, начался чистый адреналин. Как снежный ком накапливались знания и навыки, которые в ходе каждодневных занятий и тренировок, специальных упражнений и самостоятельной работы превращались в умения. Учебная программа средней школы усваивалась «на ура». Точно могу сказать, что учебные предметы трудностей у меня не вызывали, тем более что хорошие и отличные оценки щедро поощрялись субботними и воскресными увольнениями; выходя в город с увольнительной запиской мы чувствовали себя не по годам взрослыми и вполне состоявшимися молодыми людьми. Те из нас, кто были родом из Минска, разъезжались в субботу после занятий по домам и возвращались в училище уже на следующий день к построению на завтрак. Правда, приезжали они из дома сытые, а потому, придя в столовую, благородно жертвовали свою порцию друзьям, с которыми делили столик на четверых. В такие дни получалось настоящее объедение. А ещё частенько, чтобы порадовать товарищей с утраца, уроженцы Белорусской столицы старались захватить с собой вкусы домашней кулинарии, и тогда за столом спонтанно возникал настоящий пир со сладким чаем и пирогами. Точно так же все получатели посылок честно делились их содержимым; если кому-то присылали яблоки, то уже через пятнадцать минут аромат и вкус этих фруктов оценивал весь взвод, а если прибывало варенье, то оно честно делилось в столовой на всех. Мы делились до последней крошки и капли – это всегда была и всегда останется таковой отличительная черта суворовцев. Даже в мелочах ковалось неподдельное и ненаигранное кадетское братство.

Кто не прошёл по тернистому, сложному, но невероятно интересному пути суворовской закалки и становления, тот наверняка этого не поймёт. И если такой человек начнёт вам говорить про испорченное детство, то не верьте ему и не слушайте его: он прост лжёт, а, быть может, даже завидует вам, прекрасно осознавая, что именно для него вход туда закрыт навсегда; пройти эту школу у него уже не получится даже при всём желании, потому что возврата в прошлое не бывает. Он посмотрится в зеркало, и собственное отражение скажет ему:

– Здравствуй, Петрович! Не забудь сегодня побриться и почистить зубы, иначе тебя просто выставят из приличного места безо всякого сожаления.

Он тяжело вздохнёт и перед тем, как соскрести со своего лица трёхдневную щетину, воспользовавшись безопасной бритвой, вдруг снова вспомнит, как когда-то поленился выбрать для себя тернистый путь профессионального воина, вспомнит, как будучи пятнадцатилетним пацаном, испугался трудностей и не стал утруждать свою дражайшую персону серьёзной подготовкой к поступлению в СВУ, а ведь желание было. Однако, всё это в прошлом, в прошлом, к которому нет возврата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.